

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 28.

19 ЮЛЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 16 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферга; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и книжныхъ: Базунова, Щенкина и Свѣшニコва.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всеми приложениями. Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китаера, кв. № 23.

Къ № 28-му прилагаются: «Matzenfuge», соч. Скарлатти, и «Мазурка», соч. Зыбной.

Содержаніе: Путевыя замѣтки (М. Раппапорта).—Заграничныя письма (А. Н. Сѣрова).—Вѣсти отовсюду. — Художественная лотерея.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Давно не имѣлъ я удовольствія бесѣдовать съ вами, добрые читатели, но тѣмъ не менѣе все это время я думалъ объ васъ; я думалъ о томъ, какъ бы отблагодарить васъ за ласковое вниманіе, коимъ вы постоянно удостоиваете нашъ журналъ; конечно, лучшая благодарность—это возможное улучшеніе Вѣстника. — И вотъ, въ одно прекрасное утро, легкій кронштадтскій пароходъ передалъ меня со всеми пожитками въ неограниченное владѣніе великолѣпному почтовому пароходу «Владиміръ». Черезъ три дня я былъ въ Берлинѣ, а на слѣдующій день былъ уже въ переговорахъ съ извѣстнымъ композиторомъ Куллакомъ и съ извѣстными музыкальными издателями на-счетъ музыкальныхъ приложенийъ къ Вѣстнику. Въ теченіе мѣсяца я перебивалъ въ Германіи, Франціи, Англіи и Бельгіи, вездѣ входилъ въ сношеніе съ музыкальными и театральными критиками, композиторами и издателями;—первые общали корреспонденціи, другіе композиціи, исключительно для нашего журнала. Такимъ образомъ кругъ нашихъ дѣйствій увеличенъ и мы смѣло можемъ общать на-

№ 27.

шимъ читателямъ всѣ замѣчательнѣйшія новости. Въ подробности входить не стану: дѣло должно говорить само за себя и, надѣюсь, читатели сами замѣтятъ и оцѣнятъ сдѣланныя нами улучшенія. Затѣмъ позвольте сообщить вамъ нѣкоторыя новости по частямъ театальной и музыкальной. Лѣтнее время, какъ и у насъ, не богато новостями, настоящій сезонъ въ одномъ только Лондонѣ, и поэтому, къ сожалѣнію, запасъ моихъ новостей небольшой; все-таки постараюсь передать вамъ все, что только могъ подмѣтить интереснаго. Въ Берлинѣ я прежде всего посетилъ извѣстное заведеніе Кроля (Kroll's Garten) и убѣдился, что, къ сожалѣнію, у насъ подобнаго рода заведенія далеко еще отстаютъ. Не говоря уже о прекрасномъ садѣ, великолѣпномъ освѣщеніи, большихъ фонтанахъ, освѣжающихъ воздухъ, обширномъ залѣ, въ которомъ помѣщается очень уютная сцена, я былъ пораженъ совершенствомъ, съ какимъ превосходный оркестръ, подъ управленіемъ капельмейстера Энгеля, исполняетъ свое дѣло. Это лучший садовый оркестръ, какой мнѣ удавалось когда-либо слышать, и, безспорно, Энгель мастеръ своего дѣла. Исполняемые имъ танцы увлекательны, но онъ не ограничивается одними танцами,—онъ съ большимъ искусствомъ исполняетъ классическія произведенія, программы его состоятъ изъ большимъ вкусомъ и разнообразіемъ, самъ онъ мужчина видный, красивый, держитъ себя прилично, не подпрыгиваетъ, не бросается во все стороны, однимъ словомъ—это единственный капельмейстеръ, который съ успѣхомъ могъ бы замѣнить талантливаго, но слишкомъ сантиментальнаго и вертляваго Штрауса. Со мною былъ вмѣстѣ сотрудникъ нашъ Антонъ Григорьевичъ Контекій, и Энгель, замѣтивъ его, немедленно измѣнилъ программу и исполнилъ его *Героическій Капризъ* (héroïque) и нѣкоторыя другія произведенія. Исполненіе *Каприза* было въ особенности неподражаемо и произвело необыкновенный эффектъ. Замѣчательно тоже исполненіе *Прелюдіума* Баха (на оркестръ аражир. Біалемъ); мелчайшіе оттѣнки

(nuances) соблюдаются Энгелемъ съ знаніемъ и тонкостію истинно-опытнаго капельмейстера.

Изъ его сочиненій мнѣ весьма понравился вальсъ «Alwippen-Tänze»; вальсъ этотъ будетъ приложенъ при одномъ изъ №-ровъ Вѣстника. Наслаждаясь чуднымъ воздухомъ, звуками превосходной музыки, я вмѣстѣ съ тѣмъ былъ въ восторгѣ отъ порядка, тишины и приличія, господствующихъ въ заведеніи: семейные кружки сидятъ вокругъ столовъ, за кофеемъ, часомъ или кому что угодно, и при тихой, скромной бесѣдѣ внимательно слушаютъ музыку. Что за поразительный контрастъ съ Минеральными водами въ Новой деревнѣ! Конечно, садъ Кроля не богатъ цвѣтами, въ особенности разноцвѣтными камеліями, и поклонникамъ этихъ живыхъ цвѣтковъ покажется здѣсь скучно, но для большинства—это просто прелесть. До начала концерта, на сценѣ разыгрываются небольшія оперы, балеты и водевили. Исполненіе весьма исправно. Я слышалъ оперу Лортцинга «Der Waffenschmied». Лортцингъ композиторъ замѣчательный; при жизни, по обыкновенію, былъ мало оцѣненъ и умеръ въ крайней бѣдности; послѣ смерти только произведенія его пошли въ ходъ, въ особенности въ Германіи. Въ операхъ его много оригинальныхъ, прекрасныхъ мелодій, замѣчательныхъ morceaux d'ensemble, въ особенности же преобладаетъ мастерство во владѣніи инструментами. У насъ Лортцингъ почти неизвѣстенъ. Я слышалъ еще въ Королевской Оперѣ его же оперу *Saar und Zimmermann* (содержаніе взято изъ жизни Петра Великаго) и еще болѣе утвердился въ мнѣніи моемъ насчетъ замѣчательнаго композитора. Но позвольте еще на нѣсколько минутъ возвратиться къ заведенію Кроля, о которомъ я распространюсь потому, что искренно желалъ бы, чтобы по этому образцу основалось у насъ въ полномъ смыслѣ подобное заведеніе. Объ этомъ стоило бы подумать серьезно нашему дѣятельному Ив. Ив. Излеру; онъ оказалъ бы большую услугу публикѣ и своему карману. Вотъ еще важный пунктъ: за всѣ описанныя мною удовольствія назначается плата самая умѣренная—10 sgr. (30 к. с.). Желающіе имѣть нумерованныя мѣста, платятъ за все это до 60 к. с. Право подумайте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ: дѣло хорошее и полезное.

Лѣтомъ артистамъ королевскихъ театровъ даются каникулы и поэтому главнѣйшіе театры закрыты; въ теченіи 6 недѣль мнѣ удалось еще побывать два раза въ Оперномъ Театрѣ (Opernhaus). Я говорилъ уже вамъ объ оперѣ Лортцинга; — произведеніе прекрасное, нѣсколько только монотонное. Комическій элементъ въ оперѣ выходитъ только рельефно въ лицѣ бургомистра Бетта, типично исполненнаго отличнымъ опернымъ комикомъ, Бостомъ (Vost). Артистъ этотъ передалъ роль свою весьма естественно, безъ натяжки, и, мѣстами, своими пріемами напоминалъ мнѣ великаго Лаблаша. Прочія лица, принимавшія участіе въ исполненіи оперы Лортцинга, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго,—они всѣ пѣли исправно и больше ничего. Женщины, въ особенности, были по обыкновенію афектированы. Оркестръ составленъ изъ хорошихъ музыкантовъ, дирижеръ опытенъ, но особеннаго оживленія не замѣтно. Кромѣ оперы я присутствовалъ на 123 представленіи балета «Приключенія Флика и Флска» (Flik und Floks Abenteuer). Балетъ этотъ чрезвычайно любимъ въ Берлинѣ и дѣйствительно постановка его весьма богата; декорации, машины и костюмы заслуживаютъ полную похвалу, превращенія чрезвычайно исправны и сюжетъ забавенъ. Въ особенности замѣчательна панорама главнѣйшихъ столицъ Европы: Берлинъ, Вѣна, Парижъ, Лондонъ, Петербургъ и

др. сѣняются постепенно, и при появленіи каждой столицы исполняется соотвѣтственный національный танецъ. Такъ при видѣ Лондона являются матросы и неизбежный боксъ, — Парижане отплясываютъ канканъ, Русскіе—козачка и мазурку (отчего не русскую пляску?), при видѣ Берлина является пожарная команда; все это чрезвычайно забавно. Виды прекрасны, сняты вѣрно. Петербургъ, снятый со стороны биржи, представляетъ видъ великолѣпный. Въ балетѣ много интереснаго, свѣдѣтельствующаго объ талантѣ балетмейстера Тальони. Въ особенности оригинальны группы въ царствѣ подводномъ. Являются разнаго рода рыбы, устрицы и большіе морскіе раки; все это отплясываетъ. Костюмы весьма хороши. Уморительна группа раковъ. Что касается собственно до танцевъ-соло, то ихъ весьма мало и вообще въ нихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Кордебалетъ весьма посредственный, а петербургскому театру кажется просто плохимъ. Мы избалованы; — я убѣдился теперь на дѣлѣ, что съ нашимъ кордебалетомъ едва ли можетъ соперничать парижскій. О солистахъ и говорить нечего. Любая изъ нашихъ керфеекъ могла бы занять видное мѣсто на берлинской сценѣ. Изъ танцовщицъ можно упомянуть о г-жѣ Форти; у насъ она была бы на второмъ планѣ. Музыка къ балету весьма удачна; написана придворнымъ композиторомъ Гертелемъ. Я увѣренъ, что балетъ этотъ съ нашими танцовщицами имѣлъ бы у насъ большой успѣхъ. Берлинскіе театралы поговариваютъ съ большимъ восторгомъ о г-жѣ Богдановой, дѣйствительно имѣвшей здѣсь громадный успѣхъ. Берлинцы ставятъ ее на ряду съ замѣчательнѣйшими танцовщицами. Они тоже отзываются съ большою похвалою о госпожѣ Фридрибергъ, принимавшей здѣсь участіе въ трехъ представленіяхъ и имѣвшей тоже большой успѣхъ.

Зала Опернаго Театра красива, пушковый цвѣтъ креселъ и драпировокъ ложъ производитъ эффектъ. Освѣщеніе газовое, въ особенности рельефно освѣщеніе сцены. Ложки довольно удобны, не уступаютъ нашимъ; вообще въ отношеніи удобства съ нашимъ театромъ можетъ только соперничать Ковенгарденскій Театръ въ Лондонѣ. Объ устройствѣ залъ придется еще говорить. Изъ Берлина я отправился въ Парижъ. О Парижѣ позвольте отложить до слѣдующаго письма.

М. РАЦАПОРТЬ.

ЗАГРАНИЧЬЯ ПИСЬМА.

IV.

Веймаръ. ³⁰/₁₈ іюня 1859.

Театръ въ Лейпцигѣ и Веймарѣ. — Лейпцигъ.

Говоря объ оперѣ Шумана, я не сказалъ еще ничего объ ея исполненіи, ни о театрѣ, въ которомъ она давалась. Меня поразило, что въ Лейпцигѣ, весьма богатомъ, торговомъ городѣ, центрѣ книжной и концертной жизни Германіи, театръ крайне бѣденъ въ своей виѣшности, малъ, грязноватъ и оперная труппа въ немъ только—что посредственная. Постановка и обстановка «Геновевы» отзывалась ярморочными спектаклями: Костюмы поношенные, кое-какъ пригнанные, декорации безвкусныя, худо-написанныя. Актеры—пѣвцы отличались только однимъ достоинствомъ: твердымъ знаніемъ ролей (что не бездѣлица въ такой сложной, иногда запутанной музыкѣ, какъ Шумапова). Лучшимъ исполнителемъ былъ теноръ (Голо), пѣкто Юнгъ, гость съ мюнхенской придворной сцены. У него хорошій,

свѣжій голосъ, при этомъ онъ не дурный актеръ и весьма красивъ собою. Недуренъ былъ супругъ Геновевы, Зигфридъ, якто Бертрамъ (который, вѣроятно въ честь своего имени, явился въ плащѣ изъ костюма отца Роберта-Дьявола, да къ этому прибавилъ серебряный шлемъ съ лебедемъ — изъ «Лоэнгрина»). Этотъ баритонъ не безъ достоинствъ и особенно ярко выступилъ въ воинственной арии (въ 3-мъ актѣ), дышащей въ музыкѣ прелестною, совсѣмъ особенною свѣжестью. Примадонна, г-жа Эренбергъ, ни наружностью, ни голосомъ, ни игрою не могла нисколько отвѣчать высокимъ требованіямъ роли. Въ партіи какой-нибудь «Ианси», подруги леди Генриэтты, — такого рода пѣвицы и актрисы «не что», но... святая страдалница Геновева !!

Роль колдуньи Маргариты, довольно хорошо отъиенная Шуманомъ (хотя крайне *слабо* въ сравненіи съ тѣмъ, что эта роль въ трагедіи Геббеля), не могла выйти поразительною на сценѣ, потому что исполнительница, г-жа Мейеръ, не позаботилась даже о томъ, чтобы гримировать себя «старухой, страшною вѣдьмой», осталась какой-то не-то Цыганкой, не-то Индіанкой, еще довольно молодой и нисколько не отталкивающей наружности. Пѣла, впрочемъ, недурно свою весьма интересную партію. Въ сценѣ колдовства, въ живыхъ картинахъ, вышло много забавнаго. Луна, прорѣзанная въ какомъ-то четырехугольномъ темномъ лоскуткѣ, долженствующемъ изобразить облако (!), «опоздала» при открытіи одной изъ картинъ; это комическое облако съ круглымъ окошкомъ неуклюже заколыхалось на небѣ (!) передъ тѣмъ, какъ картинъ уже пора была закрыться и разсмѣшило всю публику. Въ сценѣ «Геновевы» съ началами много было тоже кое-чего комическаго, что очень вредило трагизму впечатлѣнія, и безъ того испорченному пелѣвѣйшимъ концомъ. Постановка въ оперѣ должна играть весьма и весьма важную роль. Время «оперъ-концертовъ» миновалось, къ счастью, безвозвратно.

На другой день послѣ «Геновевы» назначенъ былъ, въ дополненіе музыкальнаго праздника, большой концертъ «органный» въ городкѣ Мерзебургѣ (очень близко отъ Лейпцига), гдѣ въ одной церкви есть знаменитѣйшій органъ. Многие изъ собравшихся въ Лейпцигѣ артистовъ и гостей отправились на этотъ концертъ, утромъ въ воскресенье, 5 іюня (24 мая), — въ томъ числѣ и Листъ (который игралъ на органѣ одну піесу своего ученика, Бронсара, — чего впрочемъ въ программѣ концерта не было). Миѣ было не до органаго концерта, когда я увидѣлъ афишу веймарскаго театра: въ это же воскресенье давали въ Веймарѣ «Лоэнгрина» и я, разумеется, поспѣшилъ въ Веймаръ (что и Листъ очень одобрилъ, зная, что я «Лоэнгрина» въ прошломъ году еще *не* слыхалъ).

Видѣнность веймарскаго театра и его сцена знакома была миѣ еще съ прошлаго года (я видѣлъ въ немъ драму Брахмгогеля «Нарцисъ»). Театръ, на площади котораго красуется бронзовая, вызолоченная группа Шиллера и Гёте, — весьма не великъ, меньше петербургскаго Михайловскаго, и убранствомъ весьма скромнѣе. Театры, вообще въ свѣтѣ, существуютъ какъ «фениксы», т. е. сгораютъ и потомъ возраждаются изъ пепла въ новой красотѣ. Такъ и зданіе веймарскаго театра, — столько знаменитое трудами для веймарской сцены двухъ такихъ дѣятелей какъ Шиллеръ и Гёте, вмѣстѣ и дружно управлявшихъ всею драматической жизнью Веймара въ послѣднихъ годахъ прошлаго и первыхъ нынѣшняго столѣтія, — сдѣлалось жертвою пламени въ 1825 году. Въ возобновленномъ зданіи однако еще очень часто бывалъ Гёте и миѣ показывали ложу, гдѣ было его постоянное мѣ-

сто. Со времени веймарской жизни Листа, веймарская сцена получила въ отношеніи къ цѣлой Германіи ту же важность для оперныхъ представлений, которую имѣла при Шиллерѣ и Гёте — для драмъ и трагедій. Я упоминалъ уже, что въ Веймарѣ *въ первый разъ* со времени своего созданія (въ 1848) дана была опера Вагнера «Лоэнгринъ», подъ управленіемъ придворнаго веймарскаго капельмейстера Франца Листа, 28 августа 1850 года. Теперь, когда эта опера красуется и на вѣнской сценѣ, и на берлинской, па-днихъ блистательно поставлена будетъ въ Дрезденѣ, весьма часто и уже нѣсколько лѣтъ дается въ Карлсруэ, въ Ганноверѣ и т. д., — теперь, когда музыка Вагнера завоевала себѣ симпатію германской публики, завоевала себѣ почетное мѣсто въ репертуарѣ главнѣйшихъ оперныхъ театровъ нѣмецкихъ, когда самые рьяные враги вагнеровою реформы и всего его направленія не могутъ отрицать блистательныхъ *достоинствъ* въ его операхъ, а не-враги видятъ въ нихъ «лучшее», что до сихъ поръ было создано по части «оперъ», — теперь какъ-будто и важности никакой нѣтъ, гдѣ и какъ была поставлена опера «Лоэнгринъ» *въ первый разъ*. Но если вспомнить, что въ 1850 году извѣстность Вагнера (послѣ «Ріендзи», «Голландца» и еще нелюбимаго нисколько «Таугейзера») была весьма не обширна, ограничивалась почти однимъ Дрезденомъ, — что между тѣмъ Вагнеръ уже былъ *въ изнани*, послѣ дрезденскихъ смуть въ 1849, и политическая опала не могла пройти безъ вліянія въ публикѣ и на артистическія произведенія изгнанника, если сообразить, что стиль «новой» тогда, никому «незнакомой» оперы «Лоэнгринъ» самъ-по-себѣ очень труденъ, требуетъ полнѣйшаго вниманія, полнѣйшаго дѣвѣрія со стороны исполнителей на сценѣ и въ оркестрѣ, чтобы возбудить сколько-нибудь симпатію въ слушателяхъ, — мы увидимъ, что Листъ долженъ былъ бороться съ тысячами препятствій колоссальныхъ, чтобы поставить такую оперу на сценѣ, притомъ еще весьма не богатой, стѣпенной многими условіями; мы увидимъ, что для того, чтобы въ 1850 году привести такое предпріятіе къ вождѣльному концу, чтобы такимъ «подвигомъ» двинуть въ германскую публику, въ германскій оперный репертуаръ созданіе глубоко-гениальное и потому никакъ не тотчасъ доступное всѣмъ и каждому, — надо было имѣть «геройскую» волю и «геройскую» силу — Франца Листа. Онъ — въ постоянномъ своемъ стремленіи къ тому, чего требуетъ *польза искусства*, не смотря ни на какія въ свѣтѣ преграды, ни на какіе толки глумцовъ и завистниковъ — поставилъ въ Веймарѣ «Геновеву» Шумана, которая почти упала въ Лейпцигѣ при первыхъ своихъ представленіяхъ (не могла ожить надолго и въ Веймарѣ, по недостаткамъ, какъ вы видѣли, собственнымъ своимъ, органическимъ, а не внѣшнимъ); онъ воскресилъ для друга своего Берліоза — въ высшей степени замѣчательную, во многомъ «гениальную» оперу его «Бенвенуто Челлини», которую Парижъ *не могъ* оцѣнить, а интриги противъ Берліоза постарались «уронить» совершенно. И для оперы «Лоэнгринъ» Листъ сталъ «вторымъ отцомъ». Безъ веймарскаго титана это чудо искусства и до сихъ поръ оставалось бы въ портфель автора.

Вотъ какъ пишеть самъ Вагнеръ изъ Цюриха, въ маѣ 1852, посвящая Листу литографированную партитуру «Лоэнгрина» и благодаря своего друга за его побѣдоносную энергію (*deine sieggekrönte Energie*). «Этотъ оттискъ рукописи *не пища*, а только «эскизъ» произведенія, которое тогда только въ самомъ дѣлѣ «существуетъ», когда проявляется для глазъ и для ушей *такъ*, какъ *ты* этого достигъ. Оно теперь вы-

звано къ жизни; пусть зазвучитъ и передъ другими слушателями болѣе и болѣе, и хоть этимъ утѣшить меня въ томъ, что я самъ никогда его не услышу!» Въ этомъ лишеніи, безконечно тяжкомъ для художника, судьба Вагнера не напоминаетъ ли другаго великаго страдальца-Бетховена?..

По странному случаю мнѣ пришлось впервые услышать и Тангейзера и Лоэнгрина на тѣхъ самыхъ сценахъ и почти въ той самой обстановкѣ, какъ эти оперы давались въ самые *первые* раза! «Тангейзера» въ Дрезденѣ, съ Тихачекомъ, Миттервурцеромъ и Юганной Вагнеръ (какъ въ 1845 г.); «Лоэнгрина» въ Веймарѣ, съ тѣми же исполнителями для ролей Эльзы и Телрамунда какъ въ 1850 г. Веймарская сцена для такихъ оперъ какъ Тангейзеръ и Лоэнгринъ рѣшительно тѣсна, мала; зала также несоразмѣрна съ громадною силою звучности въ такой оркестровкѣ; хористовъ слишкомъ мало, вышность постановки не богата. При всемъ томъ веймарскій театръ можетъ служить отлично для... изученія оперъ. Тутъ въ музыкѣ ни одна тонкость не пропадаетъ, а напротивъ усиливается, увеличивается въ впечатлѣніи. Послѣ «Лоэнгрина» я долженъ былъ сказать самъ-себѣ, что въ такой *тѣсной* рамкѣ, какъ веймарскій театръ, эта опера «сама-себя раздавлиываетъ»; громадность общаго впечатлѣнія дѣйствуетъ даже тяжело нѣсколько; но съ другой стороны именно эта преувеличенность силы, эта несоразмѣрность рамки съ произведеніемъ были для меня въ высокой степени назидательны въ томъ родѣ, какъ симфоническіе концерты въ Пѣвческой Капеллѣ, гдѣ зала также несоразмѣрна съ могучимъ оркестромъ.

Прошлогодніе отчеты мои о слышанныхъ мною операхъ убѣдили меня въ ихъ впечатлѣніи на публику, что отъ *описаній* музыки и постановки весьма немного пользы для тѣхъ читателей, которымъ *самыя оперы* нисколько не знакомы. Чѣмъ подробнѣе описаніе, тѣмъ оно утомительнѣе для чтенія и тѣмъ менѣе, можетъ быть, способно дать настоящій взглядъ на предметъ. Притомъ же музыку словами разсказывать то же самое, какъ посредствомъ описаній и сравненій дать понятіе о запахѣ розы или фіалки тѣмъ, кто бы не зналъ этого запаха на дѣлѣ. Однако, (несмотря на все это, я не могу удержаться, чтобъ не сообщить читателямъ Вѣстника именно тѣхъ впечатлѣній, которые составляютъ одну изъ главнѣйшихъ цѣлей моего пребыванія за границей; не могу не подѣлиться — хотя почти безрезультатно — тѣми наслажденіями, которые испытываю отъ Вагнеровыхъ оперъ и нѣкоторыхъ другихъ (о чемъ въ своемъ мѣстѣ). Притомъ — быть можетъ между читателями моими пайдется горсточка и такихъ, которые познакомились уже съ Вагнеровою музыкою изъ *фортепьянныхъ* партитуръ его оперъ. Это знакомство, — хотя чрезвычайно недостаточное, потому что никакой въ свѣтѣ Clavierauszug не даетъ и *сотой* доли настоящаго понятія объ этой музыкѣ въ оркестрѣ и никакое (хотя бы отличное) пѣніе у фортепьяно этой музыки не даетъ и сотой доли ея впечатлѣнія на сценѣ, — это знакомство все-таки лучше, нежели *ничего*, все-таки позволитъ ознакомившемуся прослѣдить мои отчеты подѣльнѣе и, при нѣкоторомъ доврѣніи къ моимъ словамъ, дастъ возможность пробудить симпатію къ твореніямъ величайшаго до-сихъ-поръ опернаго поэта-музыканта. Вотъ вся моя цѣль!

Имѣя надежду прослушать «Лоэнгрина» еще не однажды на великолѣпной сценѣ дрезденской, я на этотъ разъ, послѣ единичнаго, *предварительнаго* для меня представленія этой

оперы въ Веймарѣ, ограничусь самымъ небольшимъ общимъ ея очеркомъ, отложивъ подробности до Дрездена.

Сюжетъ «Лоэнгрина», помнится, былъ разсказанъ въ столбцахъ этого журнала съ голоса французскихъ музыкальных газетъ. Одной причиною больше, чтобъ разсказать этотъ сюжетъ снова.

Дѣйствіе въ Антверпенѣ, въ первой половинѣ десятаго вѣка.

На берегу рѣки Шельды, подъ маститымъ дубомъ, нѣмецкій король Генрихъ Штицеловъ, окруженный съ одной стороны саксонскими и турингскими, съ другой стороны брабантскими вельможами и рыцарями, чинитъ судъ и расправу. Жалобникомъ передъ королемъ является брабантскій графъ Фридрихъ фонъ-Телрамундъ, обвиняющій бывшую свою невесту Эльзу, послѣднюю принцессу брабантскую, въ томъ, что она умертвила своего брата, принца Готфрида, для того чтобъ «одной» имѣть право на корону и потомъ раздѣлить власть свою съ возлюбленнымъ, котораго отъ всѣхъ держитъ въ тайнѣ. Фридрихъ прибавляетъ, что въ ужасѣ отъ злодѣянія Эльзы онъ отступился отъ нея, бывъ назначенъ ей въ супруги и опекуны ея отцомъ, и соединился бракомъ съ Ортрудой изъ дому Радбода. Эльзу призываютъ передъ короля.

Ангельски-кроткая, свѣтлая дѣвственною чистотою красота Эльзы вселяетъ во всѣхъ присутствующихъ недовѣріе къ жалобѣ Телрамунда. На вопросы короля: «извѣстно ли ей тяжкое обвиненіе? чѣмъ она оправдается?» — Эльза отвѣчаетъ сначала безмолвною грустью объ участи своей и брата, потомъ разсказомъ о таинственномъ видѣніи, которое часто является ей, — о сіяющемъ рыцарѣ, который освободитъ ее отъ всѣхъ золъ; онъ будетъ богомъ посланъ, ему она отдастъ себя и наследственный вѣнецъ брабантскій. Фридрихъ проситъ короля не внимать такимъ бреднямъ; — король назначаетъ судъ Божій, т. е. рѣшеніе тяжбы — поединкомъ. Эльза не избираетъ себѣ защитникомъ никого изъ присутствующихъ; — она будетъ ждать своего таинственнаго рыцаря. — Звучитъ труба герольда; — долгое молчаніе, ожиданіе, — никто не является! Эльза умоляетъ короля велѣть повторить призывъ, — сама становится на колѣни и у неба проситъ заступничества.. Эльза все еще молитса, когда народъ на берегу рѣки начинается волноваться въ тревожно-радостномъ изумленіи. Всѣ повторяютъ другъ-другу: чудо! диво! — лебеди! рыцарь!.. Волненіе растетъ, восклицанія учащаются, усиливаются; — на рѣкѣ видѣнъ челнокъ, влекомый лебедемъ; въ челнокѣ витязь-красавецъ въ серебряныхъ доспѣхахъ, ослѣпительно сіяющихъ въ солнечномъ блескѣ... Челнокъ приближается, причаливаетъ, витязь выходитъ на берегъ; Эльза оборачивается, видитъ витязя, — узнаетъ свое видѣніе! Ортруда, взглянувъ на защитника Эльзы и на его лебедя, блѣднѣетъ какъ мертвая и все время не отводитъ глазъ съ витязя, для нее роковаго. Невѣдомый витязь прощается со своимъ лебедемъ; челнокъ уплываетъ. Витязь подходитъ къ королю, — самъ узнаетъ обвиняемую и провозглашаетъ себя ея рыцаремъ. Эльза падаетъ къ его ногамъ. Нѣжно обращаясь къ Эльзѣ, витязь спрашиваетъ ее, избретъ ли она его въ супруги? Но на радостный, страстный отвѣтъ Эльзы, витязь вѣщаетъ условіе ихъ брака и счастья: Эльза *никогда не должна* спрашивать мужа: «кто онъ, откуда онъ?»

(Nie sollst du mich befragen,

Noch wissen's Sorge tragen,

Woher ich kam der Fahrt,

Noch wie mein Nam und Art.

Эльза клянется, что никогда никакого сомнѣніе не западетъ ей въ душу, все вопросы лишніе—при ея любви. Тогда витязь, полный любви къ Эльзѣ, гордый ея довѣріемъ, торжественно провозглашаетъ Телрамунда клеветникомъ и вызываетъ его на смертный бой. Телрамундъ неистовствуетъ и не слушаетъ своихъ приверженцевъ, которые упраниваютъ его отступиться отъ поединка съ чуднымъ витяземъ, любимцемъ неба. Послѣ общей молитвы начинается судъ Божій. Два, три взмаха мечей—и Телрамундъ распростертъ на землѣ; Блестящій невѣдомый витязь-побѣдитель даруетъ Телрамунду жизнь; Эльза падаетъ въ объятія своего спасителя. Народъ въ ликованіи поднимаетъ Эльзу и ея героя на щитахъ. Конецъ перваго дѣйствія.

Во второмъ — темная ночь въ стѣнахъ Антверпенскаго кремля (Burg). Съ одной стороны дворецъ, въ окнахъ котораго мелькаютъ огни и откуда повременамъ раздаются веселыя звуки пированья; съ другой стороны соборъ (Мюнстеръ); на ступеняхъ наперти сидятъ Телрамундъ и Ортруда въ бѣдной темной одеждѣ. Телрамундъ лишень графскаго титула, всѣхъ почестей, изгнанъ (geföhmt). Онъ осыпаетъ проклятіями жену, которая одна причиной его бѣдствій: она оклеветала Эльзу, она побудила Телрамунда начать тяжбу передъ королемъ. Ортруда сначала не слушаетъ упрековъ мужа, вся погруженная въ свои мрачныя думы и вперивъ злой взглядъ на окна дворца. При словахъ Фридриха, что онъ побѣжденъ волей «Бога», Ортруда адски хохочетъ. Среди христіанства она осталась вѣрна древне-германскому язычеству, вѣритъ Водану, Фрейѣ и силамъ чародѣйства. Вкрадываясь опять въ душу Фридриха; оцутывая эту гордую, но слабую душу своими адскими замыслами, Ортруда убѣждаетъ мужа, что невѣдомый витязь только волшебному, колдовскому вліянію обязанъ своей побѣдой, что онъ именно отъ этого наложилъ строгій запретъ на свою Эльзу;—ими свое онъ долженъ хранить въ тайнѣ по необходимости; Фридриху стоитъ только отрубить кончикъ мизинца у невѣдомаго рыцаря—и вся его сила исчезнетъ... Фридрихъ въ новомъ неистовствѣ, что честь свою, свое доброе имя потерялъ черезъ колдовство, черезъ обманъ, обмороченье, и клянется обнаружить мрачныя, преступныя проски незнакомца.

Между тѣмъ на балконѣ дворца появляется Эльза. Воздуху, звѣздамъ ночи она повѣряетъ свое счастье, свое блаженство... Ортруда прислушивается и тихо говоритъ мужу, чтобъ онъ оставилъ ее наединѣ съ Эльзой. Печальною, грустною повѣстью своихъ нынѣшнихъ бѣдствій Ортруда разжаломила дѣтски-простодушную принцессу брабантскую, которая тотчасъ послѣ этой бесѣды принимаетъ Ортруду къ себѣ въ домъ. Взрывъ злобнаго торжества Ортруды передъ тѣмъ, что она переступаетъ завѣтный порогъ.

Утренняя заря. Трубные призывы перекликаются съ башенъ. На площади передъ дворцомъ собираются мало-по-малу толпы рыцарей и народа; королевскій герольдъ объявляетъ объ изгнаніи Телрамунда, о титулѣ витязя побѣдителя, который отказался отъ герцогства, а будетъ называться только защитникомъ Брабанта. — Сегодня витязь справитъ свою свадьбу, а завтра выступитъ съ войскомъ на войну подъ коро евскими знаменами. Въ народѣ нашлись и голоса «недовольныхъ» повымъ вельможей. Къ нимъ примыкаетъ Телрамундъ, неожиданно, въ своемъ темномъ плащѣ, появившійся среди толпы.

Сподвижники Фридриха, опасаясь гнѣва короля, прячутъ изгнанника за собою; вниманіе толпы народа отвлечено па-

жамъ Эльзы, которые выступили на балконъ. Длинное брачное шествіе изъ дворца въ соборъ черезъ площадь. Когда Эльза, въ сопровожденіи своей свиты, достигаетъ дверей церкви, на паперти останавливается ее Ортруда, опять въ графской коронѣ и мантии. Передъ всѣмъ народомъ Ортруда обвиняетъ защитника Эльзы въ обманѣ, въ колдовствѣ; въ доказательство приводитъ скрычашье имя своего имени. — Эльза поражена дерзостью Ортруды и повзпой подозрѣнья, первое сѣмя котораго Ортруда забросила въ душу Эльзы въ починѣ разговорѣ. Теперь Ортруда смѣло насмѣхается надъ витяземъ-героемъ и его тайной. Эльза не знаетъ какъ отвѣчать, какъ выйти изъ труднаго положенія. Между тѣмъ приходятъ на площадь брабантскіе графы, вельможи, король и «защитникъ Брабанта». — Онъ изумляется, что супруга его въ бесѣдѣ съ Ортрудой, грозитъ Ортрудѣ какъ женѣ преступника. Шествіе свадебное продолжается опять своимъ порядкомъ, но вторично прерывается уже Телрамундомъ, на самыхъ ступеняхъ Мюнстера; — Фридрихъ требуетъ, чтобы супругъ Эльзы брабантской открылъ свое имя вельможамъ, королю. Витязь вѣщаетъ, что не обязанъ сдѣлать этого никому въ свѣтѣ, при взглядѣ на Эльзу замѣчаетъ ея смущеніе, волненіе, молится, чтобъ сомнѣніе не овладѣло ея душой; — король и графы окружаютъ витязя, увѣряютъ его въ своей преданности, въ своемъ полномъ довѣрїи къ его чистотѣ, къ его доблести;—между тѣмъ Фридрихъ подкрадывается къ Эльзѣ и шепчетъ ей, что есть одно средство узнать имя ея мужа... что онъ, Фридрихъ, проберется ночью въ ихъ комнату... Герой Эльзы замѣчаетъ, съ кѣмъ она говоритъ,—окончательно изгоняетъ Фридриха и Ортруду и торжественно съ Эльзой вступаетъ въ двери храма. При звукахъ органа изъ церкви падаетъ занавѣсъ.

Въ третьемъ дѣйствїи — покои новобрачныхъ. Въ одну дверь входятъ женщины длиннымъ цугомъ, за ними Эльза. Съ противоположной стороны входятъ мужчины, вельможи, король и супругъ Эльзы. Пажи со свѣтильниками предшествуютъ обѣимъ процессіямъ. Послѣ благословенія со стороны короля и привѣтствій отъ всѣхъ гостей свадебныхъ, новобрачные остаются наединѣ. Длинная бесѣда о своемъ взаимномъ счастьи, которому итъ границъ... блаженство не земное... Эльза вспоминаетъ, среди своей радости, о тѣхъ минутахъ, когда обожаемый супругъ ея являлся ей таинственнымъ влдѣніемъ; она тогда уже любила его больше всего въ мірѣ... Витязь отвѣчаетъ иѣжнѣйшимъ голосомъ: «Эльза!» — «Какъ сладко звучитъ мое имя въ твоихъ устахъ! Зачѣмъ же я лишена этого наслажденія—назвать тебя!» Витязь старается отвлечь супругу отъ этихъ мыслей, подводитъ ее къ окну: «Вѣтерокъ приноситъ намъ благоуханія цвѣтовъ, безотчетно я вдыхаю въ себя эти ароматы, отдаюсь ихъ волшебному упоенію: такъ было со мной, когда я тебя увидѣлъ, узналъ»... Но Эльза все ближе и ближе подходитъ къ сомнѣнію, къ желанію, къ томительной жаждѣ узнать имя своего героя и супруга, узнать—откуда онъ... Слова его, что онъ на спасеніе ея явился изъ странъ вѣчнаго сіянія и блаженства,—только усиливаютъ ея мученія. Ею овладѣваетъ страшная мысль, что счастье ея только на время и что супругъ ея, таинственно явившійся, также таинственно и покинетъ ее, исчезнетъ отъ нея навсегда.—И вотъ среди мучительнаго сомнѣнія, среди тоски своей, она уже какъ-будто видитъ лебедя съ челокомъ; ей кажется, что настала часъ разлуки; она не внимлетъ упрекамъ, угрозамъ своего супруга, она ничему не внимлетъ, ничего не слышитъ и произноситъ ро-

ковой вопросъ: «кто ты, —откуда?» (Woher die Fahrt? Wie deine Art?)

Въ это мгновеніе за спиной витязя выступаетъ изъ засады Телрамундъ со своими четырьмя сподвижниками. Они бросаются на витязя; но Эльза, увидѣвъ ихъ раньше, успѣла подать мужу мечъ со слѣбы; витязь убиваетъ Телрамунда. Эльза падаетъ безъ чувствъ. Супругъ ея, въ глубочайшей грусти, призываетъ женщинъ изъ свиты Эльзы и повелѣваетъ отвести ее передъ короля, куда и самъ тотчасъ явится.

Перемѣна декораціи: берегъ Шельды и маститый дубъ, какъ въ первомъ дѣйствіи.—Свѣжее утро. Съ разныхъ сторонъ сѣзжаются на коняхъ брабантскіе графы со своими вассалами и отрядами войскъ. Оруженосцы потомъ уводятъ коней. Когда всѣ собрались, является король со своей свитой. Всѣ спѣшатъ въ походъ и король держитъ напутственную рѣчь. Вдругъ волненіе въ толпѣ: приносятъ тѣло Фридриха. Затѣмъ приходитъ печальная Эльза со своими женщинами; затѣмъ и самъ «защитникъ Брабанта.» Онъ прежде всего объявляетъ, —что не можетъ предводить войскомъ, потому что долженъ покинуть Брабантъ теперь же; потомъ рассказываетъ о поступкѣ Телрамунда и о своей необходимой оборонѣ; наконецъ—повѣствуетъ нарушеніе Эльзою клятвеннаго запрета и, не связанный болѣе тайною, открываетъ передъ всѣми, «кто онъ и откуда.»

«Въ далекой странѣ, только избраннымъ доступной, есть свѣтлый храмъ, сіяющій драгоценными камнями; — въ немъ сохраняется, какъ высшее на землѣ сокровище, чаша, одаренная святою, благодатною силою. Каждый годъ является съ неба голубь для возобновленія таинственной благодати, хранимой въ священной чашѣ. Чашу и содержимое въ ней называютъ «Сан-Грааль»;—братство рыцарей служитъ Сан-Граалу и черезъ вѣру въ него владѣетъ преимуществами свыше земныхъ. Кого Сан-Грааль изъ среды своихъ рыцарей посылаетъ въ чужія страны на защиту невинности, въ томъ священная сила пребываетъ, покуда «имя» и званіе рыцаря хранится имъ въ тайнѣ. Довѣріе къ рыцарю, полное довѣріе, содѣйствуетъ его подвигамъ; какъ только тайна будетъ нарушена, рыцарь долженъ возвратиться къ Сан-Граалу. Оттуда я къ вамъ присланъ былъ; тамъ царствуетъ отецъ мой—Парсиваль; я одинъ изъ рыцарей Граала, мое имя—Лоэнгринъ.»

Въ невыразимой горести прощается Лоэнгринъ съ Эльзой; она у ногъ его умоляетъ простить ей вину, старается удержать его всѣми силами,—но его зоветъ Сан-Грааль въ обратный путь:—лебедь съ челнокомъ показался уже на рѣкѣ; Эльза падаетъ въ обморокъ; Лоэнгринъ еще разъ прощается съ Эльзой, цѣлуетъ ее и идетъ къ челноку. Ортуда, въ полной радости при этомъ видѣ, высказываетъ свои тайныя мысли. Она торжествуетъ, что гордый герой отплываетъ во-свои-си; —лебедь на своей цѣпочкѣ знакомъ Ортудѣ: — это братъ Эльзы, наслѣдникъ брабантскій, котораго она, Ортуда, сама заколдовала въ лебедя.—«Рыцарь Граала послѣ, пожалуй бы, и брата Эльзы освободилъ.» — Всѣ ужасаются, Лоэнгринъ, между тѣмъ, услышавъ громкое признаніе Ортуды, останавливаетъ челнокъ, становится на колѣни и безмолвно молится. Надъ рыцаремъ появляется въ воздухѣ голубокъ;—Лоэнгринъ снимаетъ цѣпь съ лебедя и лебедь тотчасъ погружается въ воду. вмѣсто него изъ воды выходитъ юноша, Готфридъ брабантскій, братъ Эльзы. Пока всѣ въ изумленіи встрѣчаютъ молодого герцога, Лоэнгринъ уплываетъ въ челнокѣ, котораго

цѣпочку влечетъ голубь. Ортуда убита будто молніею какъ только явился Готфридъ; Эльза взорами провожаетъ Лоэнгринъ и въ объятіяхъ брата умираетъ. Занавѣсъ падаетъ.

Повторю, что я считалъ необходимою для васъ эту «программу» оперы. При случаѣ теперь могу указать ту или другую сцену, въ увѣренности, что содержаніе драмы вамъ уже извѣстно.

Касательно музыки на сегодня ограничусь афористическими замѣчаніями.

И до-сихъ-поръ много еще ходитъ по свѣту толковъ о Вагнерѣ самыхъ бессмысленныхъ, или умышленно *кривыхъ*. Живымъ протестомъ противъ этихъ толковъ — сами оперы Вагнера въ своемъ изящномъ организмѣ, въ благоуханіи своей поэзіи, въ блескѣ своей *красы и силы!*

Не любитъ Тангейзера или Лоэнгринъ—значитъ не любить ни Глука, ни Моцарта, ни Спонтини, ни Бетховена, ни Вебера. — Вагнеръ прямой *продолжатель* всего превосходнаго, что до-сихъ-поръ существовало въ драматической музыкѣ. Но онъ нововводитель, реформаторъ въ силу того, что *никто еще* раньше его не сознавалъ въ такой степени ясности всего *моуцества* отъ органическаго сліянія между собой поэзіи *сцены* театральнoй съ поэзіей *музыки*; — *никто* еще (смѣло повторять буду тысячи тысячъ разъ) до Вагнера не доходилъ до такихъ блистательныхъ результатовъ проникновенія музыки *драмой* насквозь и насквозь и—драмы музыкаю насквозь и насквозь. Быть можетъ, найдутся знатоки собственно *драматическаго* дѣла, которые закритикуютъ, на примѣръ, рассказанную мною программу Лоэнгринъ, найдутъ, что это канва хорошая, конечно, только вѣдь не Шекспировская же драма... и т. д. Да, Боже мой! потрудитесь вспомнить, что эта канва, заимствованная изъ средневѣковыхъ легендъ, создавалась въ гелсѣ художника-музыканта *для музыки, неразлучно* съ музыкой. А если взять эту канву, да посравнить *со всеми возможными* оперными либреттами, не-Вагнеровскими,—разница окажется *громадная!* Жалко подумать, на какой степени младенчества были оперныя канвы! Чѣмъ подчивали публику господа сочинители либретъ, *чьмъ довольствовались* даже великіе драматическіе композиторы! Это, какъ вы знаете, одна изъ вѣчныхъ моихъ темъ и я не скоро устану развивать ее и подкрѣплять примѣрами, образчиками самыми разительными...

Въ Лоэнгринѣ Вагнеръ увелъ свой стиль еще дальше, еще выше, чѣмъ въ Тангейзерѣ. Въ Лоэнгринѣ, какъ вы замѣтите можете, больше богатства и въ самой канвѣ; есть контрасты характеровъ самыя выгодныя для драмы и для музыки, есть сцены съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, чисто Шекспировскимъ. А впечатлѣніе музыки собственно, *вмѣстѣ* съ драмой, въ театрѣ,—это волшебство, очарованіе!

Мнѣ говорили, когда я еще не слышалъ этой оперы на театрѣ, что будто бы второй актъ длинноватъ, нѣсколько утомителенъ. Напротивъ, я нашелъ *второй* актъ еще лучше, еще занимательнѣе, музыкально-разнообразнѣе *перваго*, а первый уже самъ-по-себѣ *цѣлая опера*, съ самымъ неисчерпаемымъ богатствомъ красоты формъ, характерности и колорита. Третій актъ *долженъ* быть еще сильнѣе двухъ первыхъ, еслибы встрѣтились *исполнители*, вполне отвѣчающіе своей неизмѣримо высокой задачѣ. Если же—какъ мнѣ случилось, видѣть очень хорошую Эльзу (Frau Milde), да весьма неудовлетворительнаго Лоэнгринъ (Seuffart изъ Мекленбурга), впечатлѣніе неполно,—когда на этихъ двухъ лицахъ интересъ *всего* акта,—очарованіе разрушено. Объ организмѣ *музыкальныхъ*

темъ, о воплощеніи характеровъ въ этой изумительно мелодической музыкѣ, о складѣ, поворотѣ, картинности и симфоничности каждой сцены — до другого раза, а то писью этому и конца не будетъ.

А. СЪРОВЪ.

ВЪСТИ ОТВСЮДУ.

Вѣсти изъ Полтавы. — Дебютъ г. Некрасова. — Парижскіе театры. — Процессъ Александра Дюма. — Г-жа Демернкъ-Лаблашъ. — Оперы въ Брюсселѣ. — Открытіе памятника Генделя. — Празднество въ Лондонѣ въ честь Генделя. — Нѣмецкій театръ въ Константинополѣ.

Театральная дѣятельность въ Полтавѣ замѣтно оживилась съ прїѣздомъ актера императорскихъ театровъ, г. Некрасова. До того времени полтавскій театръ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, по случаю безпрестанныхъ разладицъ и даже процессовъ антрепренера труппы съ актерами, остановившихъ даже на время спектакли, какъ мы уже писали въ прошедшемъ номерѣ. Но мало-по-малу стараніями любителей театра все мирно устроилось и 29 іюня начались спектакли. 1-го іюля былъ первый дебютъ г. Некрасова, выбравшаго роль Страхова въ комедіи «Карьера». Въ выборѣ пьесы, пишетъ намъ полтавскій корреспондентъ, г. Некрасовъ не ошибся: «Карьера» сдѣлала ему дѣйствительно карьеру. Первый выходъ дебютанта отзывался маленькою робостью; во все продолженіе перваго акта голосъ его замѣтно дрожалъ, но въ 3-мъ актѣ робость исчезла, а въ четвертомъ г. Некрасовъ вполне олицетворилъ Страхова. Твердое знаніе роли, прїятный голосъ, правильная дикція, безукоризненная мимика вполне удовлетворили любителей театра. Г. Некрасовъ былъ такъ проникнуть ролью, игра его была такъ естественна, что публика невольно забыла, что она въ театрѣ и передъ нею актеръ. Зрители видѣли передъ собой бѣднаго Страхова, пожертвовавшаго для состоянія чистою любовію и дорого платящаго за такую жертву, и плакали, видя его неподдѣльные слезы. Успѣхъ г. Некрасова былъ полный; его вызвали двѣнадцать разъ. Г. Васильевъ въ роли Орѣхина заставлялъ публику гомерически смѣяться; жаль, что г. Васильевъ иногда впадаетъ въ излишнюю фарсировку. Прочія роли были исполнены уже тѣмъ добросовѣстно, что обошлись безъ помощи суфлера.

За «Карьерой» данъ былъ водевилъ: «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ». Въ немъ участвовали: г-жи Салина и Виноградова 1-я, гг. Васильевъ, Новиковъ и, въ первый разъ, Полонскій въ роли Александра. Неизвѣстно, почему лучшія мѣста были пропущены и весь водевилъ сокращенъ на-половину. Ужь не потому ли, что дебютантъ не зналъ роли и былъ не въ своей тарелкѣ? Въ заключеніе исполненъ былъ гимнъ: «Боже царя храни!» Послѣ спектакля зрители еще два раза вызвали г. Некрасова; этотъ молодой артистъ съ перваго дебюта сдѣлался любимцемъ полтавской публики.

Въ Полтавѣ готовится много лѣтнихъ удовольствій: ожидаютъ оперную труппу изъ Одессы, харьковскую и кievскую (балетныя) труппы, фокусника Макалузо, труппу акробатовъ, Юлію Пастрану и Ивана Васильева съ хоромъ черноокихъ Цыганокъ.

Отъ Полтавы перейдемъ прямо на западъ, за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній о нашихъ провинціальныхъ городахъ, и посмотримъ, что дѣлается въ Парижѣ.

Несмотря на тропическіе жары, столица Франціи наполнена прїѣзжими иностранцами, провинціалами, путешествен-

никами со всѣхъ концовъ свѣта и со всегдашнею своею любезностью старается угостить заѣзжихъ гостей всѣми своими удовольствіями. Въ Елисейскихъ поляхъ гремитъ оркестръ Мюзара; Pré Catelan, Chateau de fleurs, Jardin Mabille и прочія гульбища привлекаютъ посѣтителей своими оркестрами, фейерверками, испанскимъ балетомъ съ черноглазыми Испанками и прочими увеселеніями.

Прїѣзжимъ любителямъ театровъ есть также что посмотреть и послушать, — только было бы время и деньги.

Большая Опера попрежнему даетъ оперу Давида: «Послѣдній день Геркуланума», въ которой такъ хороша г-жа Борги-Мамо, оставляющая, какъ извѣстно, этотъ театръ. Ей дружно содѣйствуютъ теноръ Роже и симпатичная г-жа Гемаръ-Лаутерсъ. Эмма Ливри увлекательна въ своемъ pas de bacchante.

Розатти все также превосходна въ балетѣ Jovita, который поставятъ, какъ слышно, и на нашей сценѣ для перваго дебюта этой танцовщицы.

На этой недѣлѣ исполнена на сценѣ Большой Оперы новая кантата Мери: «Victoire!» — музыка Рейе.

Комическая Опера возобновила произведеніе Галеви: «Les mousquetaires de la reine». Теноръ Монтобри явился для третьяго дебюта въ роли Оливье д'Антрага, какъ бы созданной для этого молодаго артиста: симпатичный и страстный тембръ его голоса, прекрасная наружность, одушевленная игра вполне олицетворяютъ молодаго шевалье, созданнаго Сень-Жоржемъ. — Музыка Галеви не утратила своей игривой прелести и также нравится, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда эта опера въ первый разъ была представлена въ Парижѣ.

Театръ Gaité возобновилъ раздирательную драму гг. Анисе Буржуа и Альбера: «Madeleine». Эта пьеса скроена на манеръ всѣхъ бульварныхъ драмъ: въ ней есть и предатель, и пропасть, и разрушеніе хижины, и оклеветанная жертва, получающая монтионовскую премію въ концѣ пьесы, есть также множество дѣйствующихъ лицъ, мелькающихъ и исчезающихъ какъ въ калейдоскопѣ. Въ главной роли Магдалины г-жи Миленгъ и Гуйонъ заставляли когда-то плакать и содрогаться зрителей, передавая страданія нѣжной матери, обвиненной въ дѣтоубійствѣ злодѣями, укравшими у нея ребенка; но на этотъ разъ главная роль была исполнена гораздо слабѣе и потому драма не имѣла прежняго успѣха.

Водевилъ возобновилъ пьесу гг. Теодора Барьера и Ламбера Тибу: «Les Filles de marbre», имѣвшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ такой же блистательный успѣхъ какъ «Dame aux camélias», «Demi-monde» и проч. Драма эта, представляющая во всей наготѣ жизнь лоретокъ, оперныхъ крысъ и др., имѣетъ свою нравственную сторону; но не всѣ матери повезутъ своихъ дочерей смотрѣть эту пьесу.

Театръ Gymnase Dramatique не отсталъ отъ своихъ собратьевъ и возобновилъ драму Бальзака: «Pamela Giraud». Не считаемъ нужнымъ рассказывать ея содержанія: вѣроятно многіе читали ее; пьесы Бальзака вообще уступаютъ его романамъ и кажутся безжизненными на сценѣ.

Заговоривъ о плодовитомъ романистѣ Бальзакѣ, невольно приходитъ на память другой, не менѣе плодовитый, хотя не столь гениальный романистъ. Читатели вѣроятно угадали, что мы хотимъ говорить объ Александрѣ Дюма № 1. По возвращеніи своемъ изъ Россіи неистощимый рассказчикъ сталъ издавать газету подъ названіемъ *Кавказъ*, въ которой подробно описывалъ свои кавказскія впечатлѣнія.

Дѣло пошло на славу; у Дюма съ перваго жenumера оказалось 20,000 подписчиковъ. Но къ несчастію совершенно непредвидѣнное обстоятельство помѣшало торжественноу шествію Шамиля. Пѣкто г. Мерльѣ, издавшій въ 1857 г. книгу подъ названіемъ: *Souvenirs d'une Française captive de Schamy*, составленную имъ изъ записокъ родственницы своей, г-жи Дрансе, гувернантки дочерей княгини Чевчевадзе и вмѣстѣ съ ними бывшей въ плѣну у Шамиля, подалъ жалобу на А. Дюма въ перепечатаваніи, указывая на цѣлыя страницы, выписанныя изъ его книги слово-въ-слово и другія слегка измѣненныя.

Дюма конечно не остался въ долгу и написалъ краснорѣчивое оправданіе, но трибуналь присудилъ Дюма, Шарлье, издателя этой газеты, и Делавье книгопродавца уплатить г. Мерльѣ 500 франковъ.

Въ скоромъ времени въ церкви *Maisons Laffite* будетъ исполнена большая месса въ пользу приюта, состоящаго при этой церкви. Соло будутъ пѣть г-жа Демерикъ-Лаблашъ, гг. Эймеръ и Николо Лаблашъ.

Въ Брюсселѣ ставятъ на сцену оперу Сень-Жоржа и Галеви: «*Вошебница*» (*la Magicienne*). Также думаютъ разучить одну изъ оперъ Вагнера: *Лоизгринъ* или *Тангейзера*.

Въ городѣ Галле 30 іюня послѣдовало торжественное открытіе памятника Генделя. Величественная фигура нѣмецкаго маэстро въ богатомъ парчевомъ кафтанѣ, въ длинномъ парикѣ съ густыми локонами, стоитъ на пьедесталѣ: лѣвая рука его опирается на эфесъ шпаги, правая лежитъ на юпитрѣ и держитъ свернутый листъ ораторіи: *Messia*.

Извѣстно, что равнодушные и холодные Англичане высоко чтятъ память этого знаменитаго композитора и каждой годъ празднуютъ день его рожденія. Англичане называютъ Генделя своимъ композиторомъ; въ нѣкоторомъ отношеніи они правы, такъ какъ этотъ гениальный маэстро, хотя не былъ рожденъ въ Англии, но прожилъ большую часть своей жизни въ Лондонѣ (съ 1712—1759 г.) и завѣщалъ Англии все свои произведенія. За то нигдѣ его музыка не исполняется такъ часто и хоршо какъ въ Лондонѣ. Такъ-называемое *Sacred Harmonie Society*, весьма многочисленное и прекрасно устроенное общество, исполняетъ каждую зиму многія ораторіи Генделя, привлекающія всегда огромное число слушателей. Но воскресеньямъ можно слышать музыку Генделя даже во многихъ частныхъ домахъ.

Празднества нынѣшняго года въ память Генделя, продолжавшіяся три дня, превзошли все прежнія. Оркестръ состоялъ изъ 394 музыкантовъ, а хоръ изъ 2,765 голосовъ, кромѣ солистовъ. Слушателей собралось такъ много, что негдѣ было уронить булавки, — въ буквальномъ смыслѣ слова. Когда пріѣхалъ дворъ, все присутствовавшее поднялось съ своихъ мѣстъ и оркестръ съ хоромъ исполнилъ національный гимнъ *God save the king*. Затѣмъ началась ораторія Генделя «*Израиль въ Египтѣ*»; соло пѣли: Клара Новелло, баритонъ Балетти, басъ Бейсъ, теноръ Симсъ Ривсъ и др. Когда же заигралъ колоссальный органъ, то произвелъ такой шумъ, что трудно было различить даже, что онъ играетъ. Тоже повторилось и на второй, и на третій день, съ измѣненіемъ только ораторій.

Въ матеріальномъ отношеніи эти празднества также много выиграли; сборъ трехъ празднествъ простирался до 33 тысячъ ф. стерлинговъ, за всеи издержками очистилось 18

тысячъ ф. стерлинговъ. Прошедшія празднества въ честь Генделя принесли слѣдующіе сборы: въ 1784 г.—7,000 ф. ст., въ 1834 г.—9,000 ф. ст., въ 1857 г.—9,000 ф. ст., въ 1859 г. 18,000 ф. ст., слѣдовательно Гендель доставилъ обществу 43,000 ф. ст., стерлинговъ чистаго дохода. Какъ же разсчитливымъ и спекулятивнымъ Англичанамъ не чтить его памяти и не называть его своимъ композиторомъ!

Въ Константинополѣ образовался нѣмецкій театръ, названный *Teulonia*; недавно послѣдовало его открытіе; давали какую-то вѣнскую *bouffonnerie*. На этомъ представленіи присутствовалъ султанъ со всеи дворомъ и даже прекрасныя затворницы гарема, разумѣется въ закрытыхъ ложахъ съ рѣшетками.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОТЕРЕЯ.

Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, разыгрываются слѣдующія картины работы покойнаго заслуженнаго профессора Императорской Академіи Художествъ, *М. И. Воробьева*: 1) Видъ *Шумлы*, писанный съ натуры въ осадномъ положеніи въ 1828 г. и главной квартиры дѣйствующей арміи, съ портретами въ Бозѣ почившихъ: Его Величества Императора Николая I и Великаго Князя Михаила Павловича, и съ портретами всеи особъ, состоявшихъ тогда въ свитѣ Его Величества; 2) *Буря*; и 3) Видъ *С. Петербурга*, писанный съ натуры съ Парголовской горы.

Билеты на эту лотерею, по 75 коп. сер.; можно получить при выставкѣ разыгрываемыхъ картинъ, въ квартирѣ г. профессора Академіи С. М. Воробьева, находящейся въ зданіи Академіи Художествъ, на В. О. подѣздъ съ Румянцовской площади, въ 3 линіи и во всеи главнѣйшихъ магазинахъ столицы.

О днѣ и мѣстѣ розыгрыша, по раздачѣ билетовъ, будетъ объявлено въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Гг. иногородные, подробно и ясно обозначая свои адреса, благоволятъ обращаться съ требованіями за лотерейными билетами, исключительно по слѣдующему адресу: *Въ С. Петербургъ по Екатерининскому каналу, б. нѣ 2 и Адм. части, въ домъ г-жи Штенеръ, подъ № 107; Ксенофонту Максимоичу Воробьеву, въ кварт. № 17.*

Выписывающіе отъ 1-го до 10-ти билетовъ прилагаютъ на пересылку по 50 коп. сер., на каждые десять билетовъ; — выписывающіе сто билетовъ или болѣе, на пересылку не прилагаютъ ничего.

Поправка. Въ № 27 на 2 столб., строка 2 напечатано: *таланта*, вмѣсто: *театра*.